

«...И в жолтых окнах засмеются, что этих нищих провели»

Если вы помните, у Александра Блока есть стихотворение «Фабрика», о том, как сытые люди, стоя в жёлтых окнах, наблюдают за другими людьми, которые внизу носят тяжёлые кули на плечах. Эти сытые всегда довольны и подсмеиваются, прихлёбывая ли чай, потягивая ли коньячок, тогда как те, другие, глядят исподлобья, злы на всё вокруг и постоянно чем-то недовольны.

У Клавдии Павловны Крючковой громкий голос и слабый слух. Она разговаривает, словно перекрикивая шум гудящих станков — сорок шесть лет проработала на них. Она из тех, которые внизу, которые недовольны. Но в отличие от тысяч и тысяч безропотных, она всю свою жизнь требовала своё, кровное, обещанное государством и положенное по закону. И что самое удивительное — требуемое получала.

Фабрика

Она стала одной из фабричных в двенадцать с половиной лет, когда, осиротев, в начале войны поступила работать на «Красное эхо» слесарем. Научившись орудовать разводными ключами, съёмниками, а когда надо и кувалдой махать, всю войну чинила ткацкие станки. Потом пригнали немцев, и возмужавшей Клаве, с сильными промасленными руками, доверили стать прядильщицей.

Наверное, именно «заводскую проходную, что в люди вывела меня» должна была благодарить девчонка за свой характер — она научилась добросовестно работать, надеяться только на свои руки, научилась стоять за себя. Она поняла правила игры — вступила в комсомол, потом в партию, потому что не на кого ей больше было надеяться, и полностью поверила в свою пролетарскую значимость.

Ворошилов

Триумфы начались с получения квартиры. Клава вышла замуж и ожидала ребёнка, а её очередь на квартиру никак не двигалась, хотя другие получали и без очереди. Сердце щемило, когда думала, что ребёнка придётся приносить из роддома в чужой угол. Через одну знакомую, муж которой был шофёром в Кремле, попала она на приём к Клименту Ефремовичу Ворошилову, бывшему в 1956 году Председателем Президиума Верховного Совета СССР. До мельчайших деталей помнит Клавдия Павловна тот свой визит — как несколько часов ждала в сидячей молчаливой очереди, пересаживаясь по мере продвижения на следующий стул, как подошёл её черёд, и двое военных подхватили и повели через многие двери, какие там висели люстры, какой огромный стол был у Ворошилова. Сам он оказался приветливым человеком, и сразу спросил: «Так вы из Переславля? Знаем, знаем ваше Плещеево озеро. Ряпушку там у себя едите?» «Да её всю вам в Кремль увозят», — сказала было Крючкова, но вовремя поправилась. Выложила товарищу Ворошилову всё про себя,

а он отеческим тоном произнёс: «Поезжайте домой, считайте — квартира у вас в кармане». И действительно, через некоторое время семья Крючковых въехала в лучшую квартиру в новом доме.

Дальше дочь нужно было устраивать в ясли, ведь декретный отпуск длился всего один месяц, а мест, конечно, не было. Почему же, возмутилась Клавдия, для моего ребёнка мест нету, а другие без очереди своих детей устраивают? И пошла в горком. В общем, заведующей яслей было велено поставить кроватку хоть в своём кабинете, но Клавдину дочку в ясли взять.

Ну, потом всё вошло в колею: работа, новая квартира, приобретения, дочка росла. Муж у Клавдии был хороший, помогал по дому, правда, страдал известным пристрастием, но кто этим не страдает. И всё было славно, пока не приключилась с Клавой новая несправедливость.

Собачка

На прядильных станках есть такая деталь — собачка, из-за неё всё и вышло. Наладчик никак не шёл и не шёл, а неисправная собачка намотала пять кило брака. Мастер смены была женщина с понятиями, спуску подчинённым не давала, и поэтому решила Клавдию проучить — в наказание за сработанный брак перевела на три месяца в подсобные рабочие. Но лучше было ей этого не делать, потому что Клава Крючкова, если уверена в своей правоте, то борется до конца. Пошла она в фабком со своей жалобой, но там ей сказали, что такие письма не рассматривают. «А какие же рассматриваете, про любовь?» — осерчала Клавдия и накатала десять страниц прямо в ЦК.

Вот, как говорится, неделя, другая проходит, в один прекрасный день на «Красное эхо» приезжает партийная дама из Москвы, и Крюкову вызывают на ковёр. Пошла она, прямая, спокойная, держать ответ перед всем заводоуправлением за свою дерзость. Дама из ЦК, потряхивая листами, спросила: «Это ваше письмо?» И наша героиня твёрдо сказала: «Да». «Я попрошу всех выйти и оставить нас наедине», — приказала партийная леди, и все, все — грозный директор, главный инженер, парторг, профорг, мастера в благоговейном трепете, не глядя на виновницу торжества, удалились. Долго сидели они — партаппаратчица и простая фабричная работница, и такая убеждённость в своей правоте и вера в справедливость сквозила в лице последней, что никаких сомнений в принятии решения быть не могло. На следующее утро, при всём заводоуправлении дамой был оглашён вердикт: признать Крюкову невиновной в сработанном браке, восстановить её в должности, с зарплаты же мастера удержать в пользу Крючковой сумму, которую та недополучила, работая подсобной рабочей, около семисот рублей, а также занести выговор в личное дело мастера и тех, кто не стал рассматривать заявление. Это была полная победа.

Авторитет её как правдолюбивцы стал незыблем, и дальше трудовая биография не омрачалась ничем.

Мусор

Вторая серия торжества справедливости в жизни Клавдии Павловны Крючковой началась, когда, выйдя на пенсию, она стала работать в ЖКХ уборщицей подъездов. Девятиэтажка на улице Разведчика Петрова, 10 приобрела в её лице ангела-хранителя. На её глазах прошло тринадцать лет жизни жителей этого дома — люди женились, разводились, рождались и умирали, благоустраивались, получали повышение по службе, покупали машины, пили, уезжали в отпуск. Росли дети, и один мальчик как-то сказал: «Бабушка, а тебе не надоело каждый день лестницы мести?» «А тебе в школу ходить?» — ответила Клавдия Павловна и протянула конфету. Теперь этот мальчик вернулся из армии и у него родился сын, который ей как внучек.

Однажды случилась поломка мусоровозной машины, и мусор долго не вывозился из дому. Крючкова всё ходила в контору и каждый день напоминала, что запах, крысы, антисанитария. У конторских начальников нервишки слабые, а тут какая-то уборщица каждый

день мозги компостирует своим зычным голосом. Вконец надоела, что ей даже пригрозили премии лишить. А она ни в какую, на следующий день опять старую песню завела, вот оправдом и сдержал своё слово, лишил семи рублей премии за назойливость. Но не на ту нарвались. Семь рублей деньги небольшие, но дело не в них, а в принципе. Клавдия Павловна письмо в трест, а тут ещё жильцы дома жалобу с сотней подписей написали, с припиской: «А нашей уборщице Крючковой Клавдии Павловне выражаем сердечную благодарность за добросовестный труд!» Пришла проверка, факты подтвердились, и Крючковой были возвращены семь рублей премии, а к ним вручена путёвка в санаторий «Красный холм» и тридцать рублей на дорогу.

Демократия

Но это было при советской власти. С новыми временами жизнь резко поменялась — все кругом стали «озорниками», вечерами молодёжь, которой некуда податься, толчётся в просторных подъездах дома № 10, расковыривает стены, испещряет их похабными надписями и нерусскими словами. Каждое утро на полу валяются трусы, лифчики, презервативы, а однажды чего удумали — наполнили эту самую штучку водой и завязали. В потёмках Клавдия Павловна наткнулась и подумала, что крыса, но крыса не убежала, а колыхалась из стороны в сторону.

Жильцы резко разделились на состоятельных и бедных, кто-то стал опускаться, чистота подъездов уже мало кого волновала. Клавдия Павловна, приходя в контору, сетовала, что нужно бы проводить собрания с жильцами, ведь чистота — залог здоровья. «Да сейчас и на предприятиях собраний нет», — снисходительно отвечают ей умные начальники и идут дальше давать ценные указания. Когда испортился мусоропровод, многие жильцы не считали нужным носить ведра к машине, а вываливали мусор прямо на площадки. Мириться с этим Крючкова была не намерена и повесила объявление о собрании жильцов. В назначенное время собрались они и спросили, кто же будет вести собрание, а их энергичная уборщица уверенно заявила: «Я». Они тогда хорошо поговорили, часа полтора, Клавдия Павловна внушала, что чисто не там, где убирают, а там, где не мусорят, и, о чудо, на следующий день в подъездах царил чистота. Вот только стены — никак не оттираются эти надписи, ведь ни порошка, ни соды не выдают уборщицам. Но Клавдия Павловна и сама любит поозорничать — была такая надпись на стене: «Наша хата ... богата, только тем бедна, что ... одна» (вместо многоточия два самых распространённых матерных слова, обозначающие мужское и женское достоинства). А хитрая уборщица приписала вместо этих слов другие, так что как-то вечером опешившие подростки прочитали: «Наша хата *пирогам* богата, только тем бедна — *бабушка* одна». Что за чудная бабулька, ей бы свой метод по искоренению матерщины в отдел молодёжи представить, да возглавить акцию за чистоту русского языка и подъездов.

Реформа ЖКХ глазами уборщицы

Одиннадцать лет Клавдия Павловна мыла два подъезда. Два года назад грянули перемены, и ей сказали, что все теперь будут мыть по три подъезда. Надо, значит, надо, и хотя работы прибавилось ровно на пятьдесят процентов, стала она убирать и третий подъезд. А тут случилось ей сходить в гости на улицу Строителей, 39, где повстречала она свою коллегу. Слово за слово и узнала Клавдия Павловна, что на четырёх подъездах этого дома и четырёх подъездах дома № 43 работают по два человека, то есть на каждую уборщицу приходится два подъезда. Площадки в этом доме абсолютно такие же, как и у неё — 7,2 × 4 м, также девять этажей, но уборщицы, убирая два подъезда, получают сколько и она, убирая лишние девять этажей. Пришла она в контору рассказать о своём открытии, а там её и слушать не стали. Много ты понимаешь в измерениях, уборщица, сказали ей, у тебя, поди, образования пять классов, а туда же, площадки мерить. Нам все цифры предоставлены БТИ, знаешь, какая это серьёзная организация? Клавдия Павловна не знала и поэтому пришла в редакцию, чтобы ей помогли с подсчётами. Взяли мы с Клавдией Павловной сантиметр и пошли площадки мерить. Действительно, они идентичны, единственная

разница — в длине коридоров, куда выходят двери квартир. Но коридоры, считаясь местами общего пользования, в убираемую территорию не входят по причине наличия наглухо закрытых дверей — жильцы запирают их, со второй дверью — оно надёжней. Чем же объяснить такую большую разницу в норме, спросила я сначала у нормировщицы З. Светковой. Прикрываясь справочником от 1986 года, она сослалась на расчёты БТИ и предположила, что, может, ошибка с подсчётами вышла у них, и порекомендовала обращаться к ведущему инженеру планового отдела ЖКХ. Ведущий инженер О. Борзова объяснила, что ставка выплачивается, начиная от 0,85% уборочной площади. Вся проблема уборщицы Крючковой в том, что у неё полных сто процентов площади, а у других на 15 процентов меньше, поэтому увеличить зарплату ей невозможно, разве только другим уменьшить. Слушая такие многоумные и убедительные ответы, поневоле начинаешь чувствовать себя зарвавшимся второгодником. Но реальность — не на бумаге, не по данным БТИ, которое считает и закрытые коридоры, и шахту лифта, — лишний подъезд никак не вписывается в 15%. Если считать за 100% уборочной площади три подъезда, то два подъезда составят только 66% нормы. За что же тогда люди получают полную ставку?

Перемеривать площади ответственные работники ЖКХ не намерены, и даже пригрозили, что если перемер всего жилищного фонда и произойдёт, то эту огромную сумму придётся заложить в стоимость квартплаты. Пугает и наталкивает на крамольные мысли. Ведь в доме по улице Строителей, 39 и 43, на восемь подъездов работают четыре уборщицы. А если их загрузить по норме, то есть дать им по три подъезда, как Крючковой, то одна уборщица получится лишней, и 3,5 миллиона рублей в год наших с вами денег можно будет пустить на ремонт крыш или покраску стен. И это только на примере уборщиц из двух домов. А если взять другие дома, дворников, слесарей, кладовщиков, различных «специалистов», которыми заполнен четырёхэтажный административный корпус ЖКХ? Прикидываете суммы? Так может, не стоит насмехаться над отцом коммунальной реформы, может, он дело говорит?

У Клавдии Павловны от каждодневной работы метлой на руках вздуваются шишки — все руки в них. «Тяжело мне уже работать, шестьдесят девять лет всё-таки не шутка», — говорит она, вздыхая. На её возраст пеняют и в конторе, что, мол, раз тяжело старушке, пусть отдыхает. Но ведь тут не в возрасте дело, а в принципе. Клавдия Павловна успокаиваться не намерена и полна решимости восстановить справедливость, пусть даже через суд.

Удастся ли ей это сегодня?

А может, именно её толчок сдвинет этого неповоротливого монстра — ЖКХ?

Может быть, получится у неё стать героем сегодняшних дней?